

18. Tawada Yoko. The Last Children of Tokyo. Granta Books, 2018. – 144 p.

19. VanderStaaay S. Young-adult literature: A writer strikes the genre // The English Journal. Vol. 81, No. 4 (Apr., 1992). – P. 48–52.

20. Wolf Kaleah. Dystopian love: a look at romance in young adult dystopian novels. – Muncie, Indiana : Ball State University, 2013. – 67 p.

21. Young Moira. Why is dystopia so appealing to young adults? / The Gardian. – 23 October, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/oct/23/dystopian-fiction?newsfeed=true>.

22. 刘慈欣. 三体. 重庆出版社, 2008

23. 郝景芳. 北京折叠. 江苏凤凰文艺出版社, 2012

Т. Ф. Сухоцкая

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
(г. Минск, Республика Беларусь)*

АРХЕТИП ВОДЫ В БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Проведен сравнительный анализ воды, как универсального архетипа китайской и белорусской культуры. Выявлена семантика наиболее распространенных символов воды в религиозных, философских, художественных парадигмах. Данная статья будет способствовать углублению культурных обменов между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой.

Ключевые слова: архетип, коллективное бессознательное, символ, образ, семантика, мифопоэтическая картина мира, дао, инь, ян.

A comparative analysis of water as a universal archetype of Chinese and Belarusian culture is carried out. The semantics of the most common water symbols in religious, philosophical, and artistic paradigms is revealed. This article will contribute to the deepening of cultural exchanges between the Republic of Belarus and the people's Republic of China.

Keywords: archetype, collective unconscious, symbol, image, semantics, mythopoetic picture of the world, Tao, Yin, Yang.

Одним из ключевых структурных элементов мифологической модели мира является вода, которая олицетворяет одну из фундаментальных стихий мироздания. Ее глубинный смысл отображен и сохраняется через систему культурных символов и образов. В культурологии наблюдается возросший интерес к изучению и других первостихий (земли, огня, воздуха) в контексте психоанализа, что определяется максимальной степенью значимости этих констант в формировании языкового и культурного опыта человечества. В контексте стратегического обмена и сотрудничества между Беларусью и Китайской Народной Республикой исследование архетипа воды, как обобщенного опыта жизнедеятельности коллективного субъекта истории, выявление его этнокультурной специфики будет способствовать взаимопониманию и партнерству между белорусским и китайским обществом.

Следует отметить, что интерпретация символики воды в китайской картине мира широко представлена в работах известных синологов и китаеведов С. Георгиевского, Э. М. Яншиной, Л. С. Васильева, М. Е. Кравцовой, В. В. Малявина, Э. С. Кульпина, В. В. Евсюкова, В. А. Кривцова, А. Е. Лукьянова, Л. Е. Померанцевой, а также в работах Д. Бодде, Юань Кэ, Тао Юань-мин, Яо Сюе, Ян Хайюнь и И. Я. Пак, Хао Жуньхуа, а в белорусской мифологической и поэтической картинах мира образ воды нашел отражение в исследованиях А. Н. Афанасьева, В. С. Новак, О. Берестовой, Л. Н. Виноградовой, Я. Крюка, И. В. Казаковой и др., однако сравнительное осмысление воды как архетипа белорусской и китайской культуры требует более углубленного изучения.

Динамичность образной и семантической сферы понятия вода позволяет говорить о сложной и многоярусной ее организации, которая получает отражение в сложной структуре тематических групп, ее составляющих: водные пространства и водоемы; формы существования воды; характер движения воды; движения, производимые в воде, с водой, при помощи воды; состояния воды; свойства воды.

Значительный вклад в изучение символики воды был сделан психоанализом. Если З. Фрейд при изучении образного компонента воды сосредоточил внимание на придании этому первоэлементу качеств сексуального символа, усиливающего либидо, жизненную силу, связь с бессознательным, то К. Г. Юнг исследовал образы воды сквозь призму теории архетипов и изучения символики с позиции коллективного бессознательного. Он считал, что в воде можно увидеть не только свое отражение, но и свою Тень, которую ученый отождествляет не только с материальным явлением, но и с желаниями, переживаниями и всем тем, что вытесняется сознанием и уходит в бессознательное. Покоящееся в низинах моря рассматривается как то, что лежит ниже уровня сознания и обозначается как подсознательное. Человек, смотрящий в зеркало вод, видит свое истинное лицо, которое он никогда не показывает другим, скрывая его за другим лицом его персоны [1].

Румынский историк-религиовед Мирча Элиаде в работах «Трактат по истории религий» и «Очерки сравнительного религиоведения» приходит к выводу, что все метафизические, мифологические и религиозные значения воды образуют в совокупности вполне связную и стройную систему. В какую бы религиозную систему ни входили воды, функции их, по мнению М. Элиаде, всюду одни и те же: они разлагают, растворяют, упраздняют существующие формы, «смывают грехи» и в то же время очищают и возрождают. Их удел – предшествовать творению и поглощать его в себе. Всякий контакт с водой, осуществляемый с религиозной целью, по мнению М. Элиаде, включает в себе два ключевых момента космического цикла – возвращение в стихию вод и новое творение [2, с. 183–207].

Гастон Башляр в работе «Вода и грезы» указывал на множество характеристик и свойств воды, выводя из них многочисленную группу вторичных символических значений, обогащающих фундаментальные, первичные значения. Эти установленные ученым вторичные значения воды представляют собой не столько набор

четко очерченных символов, сколько своего рода язык, дающий выражение трансмутациям этого вечно текущего элемента. В частности, Г. Башляр перечисляет разновидности воды: чистая, талая, проточная, стоячая, очищающая, глубокая, прозрачная, текучая, спящая, мертвая и т. д. [3, с. 41–106].

Следует отметить, что исследования ассоциативно-образной палитры символа воды выявляют ее чрезвычайное богатство и насыщенность у разных народов, культур и религий. Архетипичность воды в космогонии, мифе, ритуале, иконографии подтверждается тем, что она выполняет одну и ту же функцию, какую бы ни была общая структура тех культурных комплексов, в состав которых она входит: предшествует любой форме и лежит в основе всякого творения, поддерживает его.

В китайском мифопоэтической картине мира и национальном сознании вода, благодаря даосизму и его учению о пути-дао, воспринималась глубинно, в философском смысле, а в мифопоэтической картине мира белорусов, где она всегда была в избытке, – в основном в эстетическом. Так, например, в даосизме способность воды обтекать препятствия послужила основой для символизма мудрости, поскольку так же искусно, как вода, обходить препятствия в спорах может только по-настоящему умный человек. Бурные реки в даосизме символизировали яростное течение бытия, а тихие зеркальные глади озер, напротив, ассоциировались со столь любимым на Востоке созерцанием.

Следует отметить и принципиальное различие славяно-белорусской и китайской мифопоэтических картин по некоторым оппозиционным противопоставлениям. Например, если для белорусского мифологического сознания вода включена в смысловые оппозиции *вода – земля*, *вода – огонь*, *вода – хлеб*, *вода – мед*, *вода – суша*, то в китайской и даосской доктринах вода противопоставляется горам. Причем типичные для китайской пейзажной лирики и живописи водные глади, высокие заснеженные горы и стремительные горные водопады выражали не любованные красивыми уголками природы, а определенную философ-

скую идею – идею пути-дао. И в этом смысле «горы и воды» (шань-шуй) скорее можно назвать изобразительным средством передачи космичности пространства, беспредельной его шири, органичной встроенности человека в этот мир, где горы (ян) – мужское, светлое начало – и воды (инь) – женское, темное начало – моделировали идею взаимосвязи всех частей мироздания.

Китайская пейзажная живопись «горы и воды», проникнутая глубокими философскими раздумьями о мире, космосе, человеке, не снисходила до изображения буквального воспроизведения природы. Конкретный ее фрагмент, изображенный на картинах, осмысливался как носитель высоких и вечных законов природы, через постижение которых человек приобщается к мудрости. Странствия по бескрайним просторам свитка способствовали гармонизации души, ее возвышению, рождали понимание относительности земных человеческих ценностей в масштабе всего сотворенного мира, границы которого уходят далеко за пределы изображенного.

Особое место в мифологической символике Китая занимает китайский дракон, который в отличие от европейского олицетворяет доброе начало ян. Дракон прочно ассоциируется со стихией воды, и поэтому не случайно в Поднебесной в его честь установлен ежегодный праздник драконьих лодок. По китайским поверьям, дракон, или змей-лун, обитает в реках, озерах и морях, но способен взмывать и в поднебесье. В нем отчетливо проступают следы божества влаги и дождя, первоначально связанного с культом плодородия. Одно из известнейших древнекитайских произведений «Книга гор и морей» описывает божественных существ, вызывающих прочные ассоциации с водной стихией: Пань Гу, царь драконов Лун Ва, богиня милосердия Гуань Инь и др.

В китайских художественных произведениях можно встретить большое количество метафорических выражений, пословиц и поговорок, которые отражают образное переосмысление воды с разнообразных сторон человеческой жизни. Так, например, китайская пословица *shui ke zhou, yi ke tu zhou* (букв. знач.:

вода может не только нести лодку, но и заливать ее) выступает политической метафорой: вода, способная затопить лодку, – это народ, способный свергнуть надоевшую власть.

К устойчивым образам китайской поэзии, связанных с водой, можно отнести следующие метафорические выражения:

– *золотая волна* как символ, олицетворяющий приход осени (в китайской мифологии осень соотносится с различными металлами, в том числе и золотом);

– *ветер с дождем* как символ вина любви и вина мудрости;

– дождь и облака как символ счастливого и долгожданного свидания (по китайской легенде к знатной особе во сне явилась фея горы Ушань и разделила с ним ложе. Уходя, она сказала: «Я рано бываю утренней тучкой, а вечером поздно иду я дождем»);

– *дух ветра и потока* как символ, олицетворяющий состояние полной внутренней гармонии, свободы, раскованности, творческого вдохновения;

– *желтые родники* или *желтые истоки* как олицетворение подземного загробного мира;

– *персиковый источник* как символ счастливой страны и параллельного мира (согласно древнекитайской легенде, в гуще цветущих персиковых деревьев, окружавших чистый источник, находится вход в пещеру, ведущую в счастливую страну, где живут люди из далекого прошлого, существуя в параллельном измерении к существующему миру);

– *серебряная* или *небесная река* как символ Млечного пути;

– *роса* как символ быстротечности жизни;

– *вода красная* как символ прихода весны, когда воды несут лепестки сливы и персика;

– *плот восьмой луны* как символ-предвестник прихода осени (согласно древнекитайской легенде, некто в восьмую луну (примерно в сентябре) увидел на берегу моря построенный плот, сел на него и отправился в путешествие к Млечному пути и достиг его).

Образ воды в сознании белорусов сформировался в ходе культурно-исторического развития белорусской нации, а именно

под влиянием географических и климатических условий проживания, типа хозяйствования, традиционных верований и религиозных воззрений, житейских прагматических установок относительно воды и ее функций для жизни человека и всего сущего, поэтому в культуре белорусского этноса символика воды представлена не так широко и богато, хотя во многом имеет те же смысловые акценты и коннотации, что и у всех народов мира, включая китайцев. В концептуальной картине мира современных белорусов, выступающей логической базой их национального менталитета, вода получает характеристику как материальный элемент Земли и как мифологический образ, что обуславливает вербализацию опыта познания воды в национальной мифологии и в языковой картине мира.

Следует отметить, что вода в сознании современного белоруса – это могущественная стихия, благотворное и в то же время разрушающее начало. С таким пониманием связано выделение образов воды в белорусской фразеологии, в частности осмысление белорусских пословиц, поговорок, крылатых выражений и устойчивых словосочетаний. Положительно оценивается в белорусской фразеологии вода как средство утоления жажды, природный элемент для ведения хозяйства, а также как экспрессивное средство выражения течения жизни, а отрицательно – как разрушительная сила, уничтожающая все на своем пути, излишне большое ее количество, отсутствие формы и содержания и непостоянство свойств, качеств и чувств. Так, например фразеологизм «Носить воду в решете» закрепил в народном сознании белорусов знания о том, что вода не имеет формы, обладает текучестью, а решето – домашняя утварь, предназначенная для просеивания сыпучих, а не жидких веществ. Другой фразеологизм «Как с гуся вода» закрепляет знания людей о строении домашней водоплавающей птицы, перья которой смазаны жиром, благодаря чему вода не смачивает их, а скатывается.

В народной традиции за водоемами, заводями и болотами прочно закрепился образ места обитания разнообразных духов, добрых

и злых, в том числе и умеющих исполнять желания. В роли таковых в китайской мифопоэтической картине мира выступают драконы, небесные черепахи, змеи, а в белорусской мифопоэтической картине мира – русалки, кикиморы и водяные. Интересен также образ воды как переходного рубежа между царством живых и мертвых, который выявлен в белорусской традиции в образе «живой» и «мертвой» воды и отсутствует в китайской модели мира.

Активное развитие обычаев национального возрождения и творческое использование нововведений мировой художественной культуры (аквитизм) представители литературного объединения «Узвышша» отождествляли с деятельной интенцией «живой воды». Истоки этого коннотата, актуализированного в свое время Якубом Колосом, – в народной культуре, где речь идет про воду не как форму бытия, явление онтологическое, а как про первоэлемент жизни. Следует отметить, что в белорусской культуре архетип воды выявлен через образно-символическую систему, в основе которой – синтез языческой и христианской традиции. Сакрализация воды (святая вода, обряд крещения и др.) расширила смысловое значение архетипа.

Таким образом, необходимо отметить, что архетип воды в белорусской и китайской культуре в разные культурно-исторические эпохи выявлялся через множество символов, отображающих первооснову мироздания и всего сущего на Земле. Символизация воды фигурировала почти во всех древних мифологических и религиозных источниках и нашла полисемантическое выражение в художественном творчестве.

Литература

1. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 343 с.
2. Элиаде, М. Трактат по истории религий / Пер. А. Васильева; предислов. : Ж. Дюмезиль / Ю М. Элиаде. – М. : Алетейя, 1999. – 400 с.

3. Башляр, Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с франц. Б. М. Скуратова / Г. Башляр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998 (Французская философия XX века). – 268 с.

И. И. Шматкова

*Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

РОЛЬ ПОЭЗИИ МАКСИМА ТАНКА В СТАНОВЛЕНИИ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматривается роль поэзии классика белорусской литературы Максима Танка в становлении белорусско-китайских культурных связей, на основе архивных материалов анализируется посещение поэтом Китая, а также творческие результаты поездки.

Ключевые слова: поэзия, Максим Танк, белорусско-китайские культурные связи.

The article examines the role of the poetry of the classic of Belarusian literature Maksim Tank in the formation of Belarusian-Chinese relations, on the basis of archival materials, the poet's visit to China is analyzed, as well as the creative results of the trip.

Keywords: poetry, Maxim Tank, Belarusian-Chinese cultural ties.

В настоящее время белорусско-китайские взаимоотношения получили активное развитие на всех уровнях благодаря целенаправленной работе в этом направлении и Китайской Народной Республики, и Республики Беларусь. Наряду с взаимным укреплением политических, экономических, научных и др. связей особую роль играет культурное взаимодействие между двумя странами.

Ядром белорусско-китайской межкультурной коммуникации являются литературные связи, исследованию которых в совре-